

постей. В то же время именно из-за высокой престижности чтения информация о читательской активности, полученная социологами, может не вполне соответствовать реальности, так как респонденты склонны к завышению оценок собственной активности в этой сфере. Поэтому полученные результаты могут до известной степени исказить представления о реальных процессах, создавать превратные представления о читательской деятельности отдельных групп населения. На мой взгляд, не избежали этой опасности и некоторые авторы настоящего сборника. Так, вызывают сомнения некоторые цифры, приводимые ими, например доля читателей среди населения старше 7 лет — от 81 до 91% (стр. 25), а также вывод, что 79% сельских трудящихся читают научно-познавательную литературу (стр. 65). Возможно, что под первыми цифрами имеется в виду эпизодическое обращение к тому или иному виду печатной информации. Однако об этом приходится только догадываться, так как не оговорено, о каком чтении идет речь. Для сравнения отметим, что, по данным исследования, в ряде регионов РСФСР постоянно читает газеты немногим более половины взрослого сельского населения, а художественную литературу — от 19 до 30% опрошенных⁷.

В связи с отмеченным расхождением реальной читательской деятельности сельского населения и престижной ценности чтения хотелось бы обратить внимание на высказанную в сборнике, на мой взгляд, плодотворную мысль о необходимости постановки и разработки вопроса о социально-символических аспектах читательского поведения (стр. 149).

В рецензируемой книге не только приведен большой фактический материал, представляющий несомненный научный интерес, но и сделан ряд интересных выводов, которые, на наш взгляд, составляют существенный вклад в разработку одной из актуальных проблем, стоящих перед советской общественной наукой, — исследование того, как осваивают культуру широкие народные массы, как складывается единая и многогранная культура советского народа.

С. С. Савоскула

⁷ Ю. В. Арутюнян. Социальная структура сельского населения СССР, с. 180, 181.

Г. С. Маслова. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978, 206 стр.

Основной пафос книги Г. С. Масловой — рассмотрение орнамента народной вышивки как историко-этнографического источника — определяет методику исследования и построение книги.

Объект монографии — русская народная вышивка XVIII — начала XX в., преимущественно северных и частично центральных русских областей; задача же ее — на этом материале решить ряд кардинальных общих вопросов: рассмотреть сюжеты орнамента, раскрыть их семантику, определить связи вышивки с социальной средой и этнокультурной историей населения, одним словом, создать обобщающее исследование о вышивке.

Эта сложная, ответственная задача автором, безусловно, выполнена.

Отдельные главы исследования посвящены роли орнаментированных предметов в быту, вышиванию как домашнему занятию, ремеслу и промыслу, материалу и технике вышивки, сюжетам и мотивам ее орнамента и их семантике, распространению орнаментированных мотивов и локальным типам вышивки. Все эти главы написаны по результатам многолетней полевой работы, на основе тщательного изучения и систематизации широкого круга источников и учета трудов предшествующих исследователей.

Рассматривая роль орнаментированных предметов в быту, Г. С. Маслова показывает, как в зависимости от их функции, назначения, размеров, формы, материала менялись композиция и техника вышивки. Многообразные бытовые функции украшенных вышивкой изделий подробно освещены в исследовании, при этом убедительно раскрыто сочетание в них утилитарного и декоративного начал. Интересно указание автора на последовательное изменение этого соотношения — уменьшение и даже исчезновение с течением времени утилитарного и магического назначения и усиление декоративной стороны.

Принимая во внимание, что вышивка у славян — один из самых древних видов орнаментации тканей, Г. С. Маслова дает краткий, но вместе с тем очень содержательный очерк истории русской вышивки с древнейших времен и до начала XX в. При этом, рассматривая вышивку как домашнее занятие, как ремесло и как промысел, она раскрывает тесную связь ремесленной вышивки с местным народным искусством и показывает, как на вышивке сказывалось то обстоятельство, что ее создатели и потребители нередко принадлежали к различным общественным слоям.

Подробно останавливается Г. С. Маслова на материалах и технике вышивки — посвященная этим вопросам глава монографии поражает насыщенностью фактическим

материалом. Здесь рассматриваются также стилистические особенности орнамента, техника его выполнения, материал и цветовая гамма.

Оставляя в стороне геометрический орнамент, автор монографии изучает зооморфные, растительные, антропоморфные мотивы. При этом, неукоснительно следуя принципам историзма в изучении народного искусства, Г. С. Маслова выделяет в орнаменте древнейшие пласты, элементы феодального городского искусства и узоры, распространенные в XVIII — начале XIX в. и в конце XIX — начале XX в.

Среди зооморфных мотивов особое внимание как один из наиболее распространенных образов русской народной северной вышивки привлекает образ птицы. Г. С. Масловой удалось показать все разнообразие использования этого образа: в сложных сюжетах, в самостоятельных узорах, в орнаментальной сетке и т. д. Несмотря на обобщенность образа можно различить породу изображаемых птиц: это водоплавающие, петух и куры, павлины, орел. В монографии показано, как узоры из птиц выполнялись во всех видах вышивальной техники и в разных масштабах.

Раздел этот показывает, что автор блестяще владеет методами искусствоведческого анализа, глубоко знает материал, проявляет тонкую наблюдательность, умение раскрывать орнаментальный строй узора. Те же качества исследователя — этнографа, искусствоведа и всегда при этом историка — проявились и в анализе других зооморфных мотивов вышивки: изображений оленя, коня, льва или барса. Образы этих животных анализируются с учетом особенностей местного искусства, эпохи, возможности воздействий на них смежных видов искусства. При этом автор опирается на подлинно исследовательскую работу, на обобщение многолетних наблюдений, на огромный опыт полевой работы, на доскональное изучение литературного и музейного материала. Не случайно, говоря о том, что «растительный мир занимал видное место в орнаменте русской вышивки XVIII — начала XX в.», Г. С. Маслова считает нужным напомнить читателю, что растительные орнаменты издавна «жили» в русском искусстве: архитектуре, рукописях, прикладном искусстве.

В монографии убедительно раскрывается роль дерева как центра композиции в народной вышивке, отмечается включение в его изображение антропоморфных черт. «Вероятно, — пишет Г. С. Маслова (и с этим нельзя не согласиться), — это было выражение одухотворения окружающей природы, что является древней чертой» (стр. 98). Рассматривая растительный орнамент в вышивке, автор монографии показывает широкие аналогии с другими видами народного изобразительного искусства: резьбой, росписью, чеканкой, набойкой, анализирует развитие отдельных видов его опять же в историческом разрезе.

Крайне интересны страницы монографии, посвященные анализу сюжетов архаического типа с антропоморфными персонажами (стр. 107—126). В этом разделе подробно рассмотрены так называемые льцевые вышивки — сложные композиции, составляющие древний пласт в вышивке с антропоморфными персонажами и выполнявшиеся главным образом красными нитками. Особенно внимательно автор останавливается на композициях с женской фигурой и всадниками и их трансформациях. Очень интересны наблюдения Г. С. Масловой над началом десимволизации этого сюжета. Устанавливая разновидности композиции, автор указывает, что они определяются «различной смысловой направленностью сюжета» (стр. 114); рассмотрены и композиции с женской фигурой в центре и всадниками по бокам, а также с конями и птицами по сторонам. Г. С. Маслова показывает трансформацию древнего мотива женщины-дерева и превращение его в поздней вышивке в женщину-вазон. Обращает внимание исследователь на то, что обобщенная внешность, одежда и головные уборы женской фигуры постепенно менялись. Появляются попытки наметить черты лица, внести бытовые детали, конкретизировать костюм. Интересен анализ антропоморфных существ с лопастями вместо рук, однако Г. С. Маслова не считает возможным решительно говорить о наличии в вышивке изображения крылатого женского персонажа. Не проходит автор и мимо геометрических узоров, в которые более или менее явно включена женская фигура.

Обращаясь к изображениям мужских фигур, Г. С. Маслова подчеркивает, что изображение всадника имеет и вполне самостоятельное значение (стр. 120) и может быть основным мотивом узора. Кроме всадников автор рассматривает и «пешие» мужские фигуры в вышивке.

Один из устойчивых элементов архаических сюжетов — кисти руки. Как правило, это изображение благословляющего жеста, однако рука может быть не связана с основным сюжетом; она может быть вышита сбоку или стать основным орнаментальным мотивом. Детальный, глубокий анализ дает основания Г. С. Масловой сделать обобщающие выводы: «Архаические сюжеты, — пишет она, — дошедшие до нас в памятниках XVIII—XIX вв., прошли длительный путь изменений. И в типологически наиболее ранних нередко видно привнесение новых элементов» (стр. 126). Особенно продуктивным и бесспорным мне представляется следующее положение автора: «Развитие орнаментальности в вышивках древнего извода в результате их длительной переработки приводило к усилению декоративности за счет нарушения прежнего содержания сюжета» (стр. 126). Очень ценно, что Г. С. Маслова не только устанавливает, что геометризация мотивов и превращение их в растительный орнамент приводит к таким изменениям, в которых трудно, а порой невозможно установить исходные образы, но что наряду и параллельно с этими процессами шло переосмысление сюжетов и приближение их к реальной действительности (стр. 126).

В той же главе Г. С. Маслова останавливается на некоторых составных частях сложных композиций, в частности на геометрических мотивах, связанных с изображением людей и животных.

Столь же насыщена точными наблюдениями и целенаправленными выводами и вторая часть этого раздела, посвященная антропоморфным персонажам в бытовых вышивках (стр. 130—149). Останавливаясь на истории развития бытовой символики в народном искусстве, Г. С. Маслова справедливо подчеркивает, показывая это на конкретных примерах, что данный процесс в различных областях и социальной среде протекал неравномерно и неодинаково. Сложные бытовые сюжеты чаще всего встречаются на белых строчевых подзорах. Их анализу Г. С. Маслова уделила много внимания, выясняя их основную «художественный канон». В книге показано своеобразие этого вида русской вышивки, в сюжетах которой отразился быт разных социальных слоев общества и, в первую очередь придворный быт второй половины XVIII в., а также усадебный быт XVIII — начала XX в. Автор подробно останавливается на одном из наиболее распространенных бытовых сюжетов — свадьбе, развиваемся в повествовательном плане. Очень интересны сопоставления бытовой тематики подзоров с фольклором, в частности со сказками, на что еще в конце XIX в. обратил внимание И. А. Шляпников. Несомненная связь подобных вышивок с лубочными изображениями XVII и XVIII вв., однако наряду с этим Г. С. Маслова усматривает в них и трактовку реальных птиц и животных.

Кроме подзоров, бытовые сюжеты вышивали на полотенцах, где все чаще и чаще, особенно в конце XIX — начале XX в., изображались бытовые сцены из жизни народа (стр. 134). Излюбленным мотивом становится в вышивке хоровод. Интересно, что и в вышивке проявились народный юмор и сатира, столь характерные для народной деревенной и глиняной игрушки. Рассматривает Г. С. Маслова такие устойчивые в вышивке мотивы, как «выезд» и «плывущий корабль» и особенности трактовки в этих вышивках костюма и архитектуры. При этом она подчеркивает, что «Бытовые реалии существенно отличают вышивку жанрового характера от вышивки с древними культурными сюжетами» (стр. 148). Нельзя не согласиться с обобщающим положением, к которому в результате скрупулезного рассмотрения обширного материала приходит Г. С. Маслова: «Развитие бытовой сюжетной вышивки неразрывно связано с общим направлением развития русского народного искусства XVIII—XX вв.» (стр. 148). При этом она выделяет две линии развития вышивки с бытовыми сюжетами: с одной стороны, изменение архаических сюжетов, внесение в них бытовых деталей и переосмысление их, с другой стороны, значительная модификация вышивки, появление в ее сюжете, композиции и технике качественно новых черт.

Самая большая по объему глава монографии, в которой детально рассмотрены сюжеты и мотивы орнамента русской вышивки, подводит читателя к наиболее сложному и, на мой взгляд, наиболее интересному вопросу — к вопросу о семантике изображений и орнамента этой вышивки (стр. 152—173).

Привлекая широкий материал, путем аналогий и сравнений Г. С. Маслова доискивается до семантической основы исследуемых ею орнаментов. Подспорьем для этого служит и народная терминология — названия отдельных мотивов и узоров вышивки.

Очень много дает в раскрытии семантики орнамента и образов вышивки обращение к фольклору: былинам, разговорам, причитаниям, обрядовым, в частности свадебным, песням.

Рассмотрев основные сюжеты, мотивы и персонажи вышивки, составляющие архаичный пласт, и раскрыв их семантику, Г. С. Маслова задается вопросом: «Каким образом вышивки XVIII — начала XX в. могли сохранить образы глубокой языческой старины?» (стр. 169). Решая его, она приводит ряд причин. Христианизация образа, возникновение двоеверия, экономическая и культурная замкнутость Севера определили живучесть традиций, хранившихся в крестьянской среде. В XVIII — начале XX в. доминантной становится эстетическая функция орнамента. Освобожденный от мифологии, он отражает «непосредственные впечатления вышивальщиц от окружающей природы и бытовой среды» (стр. 176), в связи с чем изменяется символика орнамента, переключаясь с устной поэзией. Рассмотренный исследовательницей материал дает ей основание говорить «о многоликости семантики орнамента, о богатстве его содержания» (стр. 173).

Исследование завершается главой о распространении орнаментальных мотивов, где рассматриваются локальные типы вышивки (стр. 178—201). Глава эта имеет существенное значение, поскольку, действительно, как пишет Г. С. Маслова, «выяснение географии орнаментальных узоров русской народной вышивки в сопоставлении с историческими данными и применением сравнительно-этнографического анализа позволяет осветить некоторые вопросы этнокультурной истории отдельных групп русского народа» (стр. 178). При помощи картографирования сюжетов и мотивов орнамента (стр. 180, 181) Г. С. Масловой удалось уточнить принятое до сих пор районирование вышивки. Результаты ареальных исследований орнамента убедительно сопоставляются с антропологическими, археологическими, этнографическими, фольклорными и языковыми данными. «Проведенные ареальные исследования вышивки, — пишет Г. С. Маслова, — показали, что формирование ее локальных особенностей определялось в значительной мере этническими традициями и историко-культурными связями населения» (стр. 199).

Говоря о коренных изменениях в составе и назначении орнаментированных предметов в советское время, о новом качестве современной вышивки, Г. С. Маслова по праву указывает, что изучение ее должно стать темой специального труда (стр. 201).

Монография Г. С. Масловой — результат многолетней упорной работы, об этом свидетельствует привлечение огромного материала, глубокий анализ его, исчерпывающая библиография, украшающая каждую главу, а также многочисленные иллюстрации (к сожалению, в книге нет их списка), являющиеся неотъемлемой, органической частью исследования, подкрепляющие анализ, выводы исследования. Нельзя не отметить, что кроме музейного материала в этих иллюстрациях демонстрируются и результаты полевой работы, проведенные исследовательницей в последние годы. Тут и блестящие фотографии Ю. А. Аргиропуло; сделанные на высоком профессиональном уровне рисунки участников экспедиций — Н. А. Юсова, М. М. Санникова; многочисленные иллюстрации, созданные Г. В. Шолоховой; точные зарисовки Т. Л. Юзенчук, Е. С. Масловой, М. Р. Семашкевич.

Оформление книги (переплет, бумага, шрифт, качество иллюстраций) делает честь издательству «Наука». Все это способствует тому, что книга, написанная этнографом, не прибегаящим к так называемому искусствоведческому анализу, является праздником народного искусства. Нет сомнения, что читатели этой книги согласятся со словами ответственного редактора С. В. Иванова, отметившего помимо высокой научной ценности ее большое практическое значение. Эта книга, несомненно, будет способствовать развитию современных художественных промыслов, развитию современного народного искусства.

Э. В. Померанцева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Г. Г. Стратанович. Народные верования населения Индокитая. М., 1978, 255 стр.

В наши дни особенно велик интерес к многовековой истории, самобытной культуре и этнографии народов Индокитая. Большую работу по изучению этнической истории, этногенеза, материальной и духовной культуры народов Вьетнама, Лаоса, Кампучии, Таиланда и Бирмы вели и ведут советские ученые.

Значительным событием в истории нашей науки стала публикация монографии Г. Г. Стратановича «Народные верования населения Индокитая».

Автор книги — доктор исторических наук Григорий Григорьевич Стратанович (1912—1977 гг.) — известный советский исследователь истории и этнографии народов Восточной и Юго-Восточной Азии, перу которого принадлежит около 130 научных работ. Ученик Н. В. Кюнера, выпускник Восточного факультета Ленинградского университета, Г. Г. Стратанович всю свою творческую жизнь сочетал научную деятельность с широкими полевыми исследованиями. Он проводил этнографические наблюдения на Дальнем Востоке и на о. Сахалине, в Средней Азии и в Калмыкии, а также в Бирме, Китае, Японии, Сингапуре и на Филиппинах. Как один из редакторов и основных авторов тома «Народы Восточной Азии» (М.—Л., 1965) Г. Г. Стратанович в 1966 г. стал лауреатом премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. С 1938 г. научная и общественная деятельность ученого-коммуниста Г. Г. Стратановича была неразрывно связана с Институтом этнографии АН СССР. Он неоднократно представлял советскую этнографическую науку на международных конгрессах этнографов и антропологов, востоковедов и историков. За годы научной деятельности Г. Г. Стратанович вырастил немало учеников, среди которых есть и зарубежные ученые. Особенно тесными и теплыми были его контакты с этнографами Социалистической Республики Вьетнам, многие из которых учились у Г. Г. Стратановича. Вьонг Хуанг Туен посвятил ему и С. А. Токареву свою работу «Народы австрийского происхождения на севере Вьетнама» (Ханой, 1963): «С глубоким уважением посвящаю свой труд двум советским ученым — Г. Г. Стратановичу и С. А. Токареву. Искренне благодарю их за заботу и помощь этнографам Ханойского университета».

Книга «Народные верования населения Индокитая» — результат многолетних исследований Г. Г. Стратановича в области этнографии и религиоведения Юго-Восто-

¹ Вьонг Хуанг Туен. Народы австрийского происхождения на севере Вьетнама. Ханой, 1963, с. 3 (на вьет. яз.).